

ВЫБОР БУДУЩЕГО!

Эссе стобалльников ЕГЭ 2014
в честь 70-летия Победы

Сто баллов для победы

Дорогие друзья!

В этом году мы празднуем 70-летие Победы! Специально по этому случаю мы попросили стобалльников ЕГЭ по литературе, выпускников 2014 года школ Санкт-Петербурга — города-героя Ленинграда, подготовить творческие работы на тему Великой Отечественной войны.

Память и правда о тех, кто в далеких сороковых сражался за Родину и победил в великой войне, должна жить в их потомках. Только это может сохранить историю и передавать её из поколения в поколение.

Мы очень рады, что ребята с большим энтузиазмом откликнулись на эту просьбу. На наш взгляд, они написали искренне и талантливо. Присланные работы вошли в этот сборник.

Вдумчивость, целеустремленность, твердость характера помогли недавним школьникам достичь высоких результатов на выпускных экзаменах. Надеемся, что это только начало...

*С. С. Кравцов, руководитель Федеральной службы
по надзору в сфере образования и науки;
Ж. В. Воробьева, Председатель Комитета
по образованию г. Санкт-Петербурга*

Сто баллов для победы

СОДЕРЖАНИЕ

4

ЕФИМОВА ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА
Эссе

8

КОЧИНА ПОЛИНА ПАВЛОВНА
Эссе

12

МАКАРОВА АНАСТАСИЯ ДЕНИСОВНА
Эссе

18

СКВАЗНИКОВА ЕКАТЕРИНА МИХАЙЛОВНА
«Сокровищница памяти»

24

ЩЕРБИНИНА АРИНА АЛЕКСАНДРОВНА
«Память сердца»

28

БЕСКРОВНАЯ АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА
«Вечная память»

32

КОНДЮРИН ИВАН АНДРЕЕВИЧ
«Ignoble Invitation»

52

КУРБАТОВ ВАЛЕНТИН ЯКОВЛЕВИЧ
Отзыв

**ЕФИМОВА
ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА**

Окончила ГОУ СОШ № 507 Санкт-Петербурга. Студентка Балтийского института иностранных языков и межкультурного сотрудничества.

Эссе

Девятого мая, в День Победы, мы выходим на улицы, смотрим парад, дарим цветы ветеранам, вспоминаем о героической стойкости людей, прошедших войну и блокаду. В этом году отмечается семидесятилетие победы. Вот уже семьдесят лет как мы наслаждаемся мирным небом над головой — и всё благодаря отваге, самоотверженности и патриотизму наших прадедушек и прабабушек.

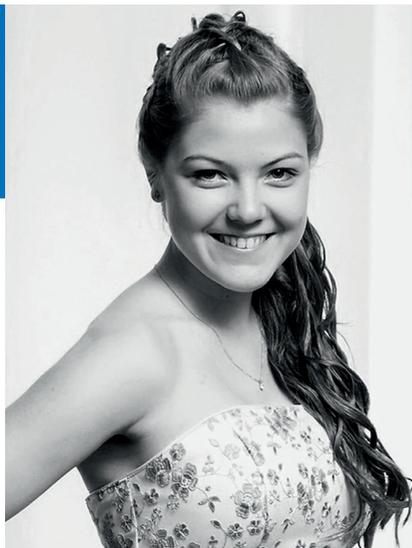
Нет, пожалуй, ни одной семьи, которую бы ни коснулась война. Мой прадед Михаил Петрович прошёл всю войну, служил на Северном фронте, сражаясь за наше будущее. Отпечаток этой войны на всю жизнь остался в его характере. Смотрю на его фотографию, стараюсь понять: какой он, мой прадед? Простой. Добрый. Неозлобленный. Справедливый. Значит, не всех война озлобила. А мы сейчас всё пытаемся найти своих и чужих. Мы, не знающие войны.

Перелистываю страницу. Удивительное лицо, в котором угадываю черты моего папы. Это моя бабушка Богданова Мария Николаевна (как похожи они с отцом!), она родилась в 1941 году в машине скорой помощи в осаждённом Ленинграде. Не могу перелистнуть страницу: как она выжила? Никогда не интересовалась. Почему? Такие истории хранятся в каждом доме — истории, которые полностью мы не успели узнать, о которых не успели расспросить. А надо бы их знать, чтобы передать следующему поколению, дабы сохранить светлую память о подвиге наших предков.

Нам никогда не понять, через что пришлось пройти миллионам простых мужчин и женщин, девочек и мальчиков, таких же как мы. Хотелось бы верить, что мы оправдали их надежды, что их жертва была не напрасна. Мы должны жить с оглядкой на то, что миллионы людей погибли ради нас. Этот героизм должен сохраниться в генетической памяти русского народа. Их подвиг никогда не будет забыт.

Парад в честь Дня Победы будет особенным в этом году. Для ветеранов День Победы — это самый важный праздник, ведь в нём — гордость и скорбь, радость и боль. «Никто не забыт, ничто не забыто» — это не просто красивые слова. Наш долг сделать так, чтобы и наши дети, и их правнуки знали и хранили память о великом подвиге советского народа, принёсшем мир и свободу не только России, но и всему миру!

Перечитала сочинение, вернулась к семейному альбому... Дошла до фотографии второго прадеда, погибшего на войне. Ничего о нём не написала... Значит, долг свой ещё не выполнила. Может, в этом году узнаю больше о тех, кто остался только на фотографиях... Нет, не «может», узнаю!

**КОЧИНА
ПОЛИНА ПАВЛОВНА**

Окончила ГБОУ «Академическая гимназия №56» г. Санкт-Петербурга с золотой медалью. Студентка Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета. Увлекается фотографией, журналистикой, режиссурой, чтением.

Эссе

«Великая Отечественная война, которую вёл советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершилась, Германия полностью разгромлена!» — чувствуете ли вы трепет от этих слов, будто долгое время ваше тело находилось закованным в камень? И именно в этот момент резко пути были разрушены, вы вздохнули полной грудью, со слезами счастья на глазах, и чуть не задохнулись от прилива свободы. Я думаю, никто из вас не сможет ощутить этого в полной мере так, как люди, которые в тот момент стояли под громкоговорителем и слышали эти освободительные слова. К сожалению, таких людей осталось мало, 70 лет — слишком долгий срок, даже для таких героев, как они.

«Это была война даже не за город, не за дом, а за каждую комнату», — говорит мне Аркадий Давидович Забежинский, удерживая в дрожащей руке чашку чёрного крепкого чая. Он один из тех, кого сто лет назад можно было бы назвать «интеллигентом». Добродушное, испещрённое морщинами лицо, старчески белоснежные волосы, такие же густые усы и большие круглые глаза, блестящие, светлые, совсем молодые, но полные боли и печали. Голос у него мягкий, плавный, а движения полны энергии и жизни. Никак не подумаешь, что этому дружелюбному старичку уже 92. Судьба была жестока к нему: он потерял мать и отца, был совершенно одинок; не закончив учёбы, отправился на войну, где 5 августа 1941 года уже давал первый залп из «Катюши». Потом были бои за Москву, Сталинград, Миусс, Крым — освобождение Севастополя, форсирование Одера, взятие Бреслау. «Для меня война закончилась на два дня раньше — 6 мая в городе Бреслау, — вспоминает Аркадий Давидович, и его глаза заметно тускнеют. — Этот город-крепость окружили немцы, и мы не могли оставить в тылу значительные силы немецких войск. Бои были ожесточёнными, фашистские войска получали мощную поддержку с помощью самолетов. Они сдались только 6 мая, оказалось, их было больше, чем нас. Погибло очень много людей, особенно офицеров. В том числе и мой друг Женя Лихацкий». После этого он замолкает, встаёт и идёт в другую комнату к большому старому роялю. Садится и начинает играть. В шкафу почётно висит мундир, украшенный бесчисленным количеством орденов и медалей.

Орден Красной Звезды, Орден Отечественной войны первой степени, медали «За оборону Сталинграда», «За оборону Москвы», «За победу над Германией». А вот та, которой он больше всего гордится. Медаль «За отвагу». Небольшая, но такая тяжёлая.

Каждый ветеран может рассказать историю этой кровавой мировой войны, у каждого она будет своя, особенная, печальная, выстраданная. И тем не менее каждый из них, живой ли до сих пор или ушедший из этого жестокого мира, составляет часть одной большой истории, ни один человек на войне не может быть лишним. Оглядываясь на десять лет назад, хочется только упрекнуть себя за то, что в детстве не задумываешься о таких серьёзных вещах и невнимательно слушаешь прабабушкины рассказы о войне. Теперь же их некому повторить. Восстанавливаешь их по старым военным билетам, по письмам, медалям, семейному архиву. В том числе по красноармейской книжке моего прадеда, умершего в далеком 76-ом году. Помимо данных о самом прадеде, прохождении им службы, участии в походах, награждениях и отличиях, в ней содержится информация о его «вещевом имуществе»: простыне, одеяле, валенках, обмотках, снаряжении бойца, винтовке. С сентября 1941 года он уже старший радист, позже — сержант. Прошёл через всю войну, за его плечами освобождение Варшавы и штурм Берлина, но всё, что сохранилось о нём, — это красноармейская книжка, медали и воспоминания вместе с гордостью и бесконечной благодарностью за подвиг.

Сколько было таких же, как он? Молодых неопытных пареньков, брошенных судьбой в котёл мировой войны. И сколько их не вернулось? Сколько домов было погребено под слоем золы, пыли и крови? Сколько женщин и детей не дождалось родных мужчин? Нам, живущим в двадцать первом веке, тяжело представить себе весь тот страх, ужас и боль, которые несёт в себе стихия войны. И не дай Бог! Но разве мы не должны ценить тот труд, отвагу, силу и героизм, которые проявили наши предки на полях сражений, когда, забывая о ценности собственной жизни, они бежали вперёд ради спасения тысячи чужих.

Аркадий Давидович до сих пор играет, а я слежу за движениями его пальцев и понимаю, что вот он — настоящий герой. Да, он не «картинный» и не герой из воображения, он даже внешне не очень на героя похож, но, по-моему, именно его можно назвать этим словом. И пока такие герои есть, нужно цепляться за каждую возможность хотя бы побыть с ними рядом, прикоснуться через них к истории своей великой страны.

И, конечно же, ценить их, ведь именно благодаря им мы являемся теми, кто мы есть. «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!»

**МАКАРОВА
АНАСТАСИЯ ДЕНИСОВНА**

Окончила ГБОУ СОШ № 213 с углубленным изучением английского языка г. Санкт-Петербурга. Студентка филологического факультета Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Увлекается фигурным катанием, литературой, философией.

Эссе

Поклонимся великим тем годам,
Тем славным командирам и бойцам,
И маршалам страны, и рядовым:
Поклонимся и мертвым, и живым.
Всем тем, которых забывать нельзя,
Поклонимся, поклонимся, друзья!
Всем миром, всем народом, всей землёй
Поклонимся за тот великий бой...

Н. Добронравов

В 2015 году отмечается семидесятая годовщина Победы в Великой Отечественной войне. Этот воистину великий Праздник ветераны из года в год встречают со слезами на глазах, вспоминая о страшных, исполненных горя годах. Война послужила переломным событием в жизни каждого без исключения человека. Мужчины отправлялись на фронт, прекрасно понимая, что, возможно, им уже не суждено вернуться в родной дом, где их ждут матери, жёны, дети. Женщины также проявляли самое настоящее мужество: сражались с врагами, работали на заводах, оказывали всяческую помощь пострадавшим.

А часто ли мы задумываемся о том, кого можно считать настоящими героями и какой смысл кроется за словом «героизм»? Сегодня, когда нашей безопасности практически ничто не угрожает, мы, кажется, перестали осознавать, что жизнь есть высшая ценность, которой от природы наделён человек. Темп жизни стремительно растёт; развивается техника, одаряя нас различными удобствами и благами... Общество становится обществом потребления и устанавливает материальные ценности как важнейшие. А ведь в такой суете мы упускаем самое-самое главное: мы подменяем вечные, испокон веков передающиеся ценности — Любовь, Добро, Семья, Родина — ценностями ложными, например карьерой, успехом, богатством. Поэтому и за героев зачастую ошибочно принимают «не тех» людей — стоит лишь вспомнить, какое широкое распространение приобретают экстремальные виды спорта, побуждающие человека рисковать своей жизнью. Оправдан ли этот риск? Отнюдь нет. А тогда, в то

суровое время, когда война не обошла ни один дом, не пощадила никого, оставила след в душе миллионов людей, — тогда люди выступали на защиту Отечества, даже не задумываясь о том, что им придётся пережить. Все чётко осознавали, что любой ценой нужно выстоять до конца, до победного; что сдаваться нельзя ни в коем случае и что лучше жизнью своей пожертвовать, нежели уступить врагу. Выходит, герой — не тот, кто рискует жизнью, дабы подчеркнуть свою силу, бесстрашие, а тот, кто отважно вступает в борьбу во имя высокой, благородной цели, во имя спасения всего человечества. Герой — это тот, кто не задаётся вопросом, будет ли вознаграждён его подвиг, будет ли прославлено его имя. Герой идёт на подвиг, подчас сам того не ведая и думая, что совершает самое обыкновенное дело. Так, во время войны люди шли в наступление и когда им было холодно и голодно, и когда у них на руках умирали товарищи, и когда казалось, что всё кончено, что силы на исходе... Эти самые люди и зовутся Героями. И нам, в свою очередь, стоит отдать должное тем, кто подарил нам безмятежное, ясное небо над головой, тем, благодаря кому мы живем.

Новому поколению, конечно же, трудно увидеть лицо войны таким, каким оно предстало перед людьми в 1939 году, но мы не должны забывать, что память об ужасном и в то же время великом времени запечатлена в литературе, кино, музыке и других видах искусства. Нашей задачей является бережно хранить эту память и передавать последующим поколениям.

Не перечсть, сколько произведений сотворено, сколько стихотворений сложено, сколько песен написано на тему войны. Для меня самыми трогательными произведениями о войне являются две повести Бориса Львовича Васильева: «Завтра была война» и «В списках не значился». Писатель рисует жизнь самых обыкновенных, на первый взгляд, людей, которая кардинально меняется с приходом войны. Вспомним ребят, о которых пишет автор в произведении «Завтра была война»: они учились, влюблялись, сталкивались с бытовыми проблемами, разрешали их и строили планы на будущее... Неслучайно Б. Васильев большую часть произведения отводит описанию именно мирного времени — во-первых, таким образом повествователь дает читателю понять, сколь страшным и внезапным было наступление войны, какую разрушительную силу имело это явление. Ведь когда мы наблюдаем за тем, какие раны образуются в сердцах детей, как эти самые дети на наших глазах

резко взрослеют, как трагедия заставляет их быть мужественными, отважными, сильными, ответственными и как никогда честными, — нам становится больно вдвойне, мы словно сами переживаем с этими ребятами то, что суждено было пережить тогда им. Во-вторых, автор намеренно не предаётся глубоким размышлениям о войне, поскольку эти воспоминания невероятно тяжелы. Этим же могут быть объяснены и те случаи, когда ветераны стараются избегать рассказов о войне... Тем не менее Борис Васильев изображает тяжёлые последствия, которые повлекла за собой война: в эпилоге автор повествует о судьбе каждого героя, о том, каков был вклад каждого в победу, и о том, как смерть не пожалела никого...

В другой повести — «В списках не значился» — писатель представляет трагическую историю юного Николая Плужникова, на долю которого выпало немало испытаний, и каждое было преодолено им с честью и отвагой. Автор акцентирует внимание на том, что «крепость не пала», «крепость истекла кровью». В этой формуле заключён глубокий смысл, который стоит за всем, что так или иначе связано с войной. Ни один город не пал, ни один истинный герой не сдал позиции, ни один человек не отступил перед кровавым лицом войны и смерти. Б. Л. Васильев делает образ своего героя Николая Плужникова собирательным — это образ русского солдата, образ героя, который «почти год сражался <...> без соседей слева и справа, без приказов и тылов, без смены и писем из дома» и который «упал свободным и после жизни, смертью смерть поправ». Показателен и образ матери, воплощающий в себе женский характер того времени. Писатель показывает мать, глубоко переживающую горе, но не отчаивающуюся, не ропщущую на жизнь, а мать, которая трепетно хранит в душе память о своём Герое, которая гордится им и уважает его подвиг: «И возле мраморной доски тихо стоит старая женщина. Не надо ей ничего объяснять: не так уж важно, где лежат наши сыновья. Важно только то, за что они погибли». Автор как нельзя более точно передаёт всю ценность заслуги всех Героев перед Отечеством.

Нельзя умалять достоинств других военных произведений, но описанные выше книги произвели на меня неизгладимое впечатление, вызвали во мне невероятные по своей силе эмоции, и поэтому именно эти повести станут для меня жизненными спутниками и помогут выполнить мой долг — сохранить в себе и передать другим ту великую память, которую оставила после себя война.

«Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой...» — поётся в одной из знаменитых военных песен. Моя семья не является исключением. Моя бабушка, Гришина Надежда Федоровна, встретила войну в Ленинграде, будучи совсем ребёнком: в 1941 году ей было 7 лет. Всё блокадное время бабушка находилась в городе. О себе рассказывать она не любит, но о своей двоюродной сестре — Шулеповой Евгении Александровне — всегда говорит с особой гордостью. Родилась тётя Женя 24 декабря 1926 года в Ленинграде. На момент наступления войны ей было 15... В декабре 41-го норму хлеба снизили до 125 граммов, и девушка отчётливо понимала: они с матерью продержаться не смогут — нужно отправляться на войну. Тётя Женя с мамой подправили год рождения в Свидетельстве — на 1925. И «шестнадцатилетняя» девушка отправилась в военкомат. Её приняли, и вплоть до снятия блокады тётя Женя, миниатюрная и хрупкая, но неимоверно отважная, работала на «оборонке»: копала противотанковые окопы, траншеи, тем самым предотвращая вторжение вражеских танков в Ленинград. Тётя Женя получала по полбуханки хлеба, что помогло выжить и ей самой, и её маме. По окончании войны Евгения Александровна была награждена медалью «За оборону Ленинграда». Ушла из жизни тётя Женя в 2010 году.

Другим героем, о котором много рассказывала бабушка, является Владимир Орлов, сын её близкой подруги. Окончил Владимир 10 классов, а затем поступил в институт имени П. Ф. Лесгафта, где проучился лишь полгода, а далее отправился на войну — разведчиком. В январе 1944 года сообщалось: «Гвардия. Младший лейтенант. Не вернулся из разведки». Сослуживец Владимира написал письмо матери, в котором говорилось следующее: «...возможно, ранен <...> возможно, убит». Во время войны письма шли очень долго. Прошло время, в феврале 1944-го Владимир вернулся в свою воинскую часть и узнал о письме. Он поспешил отправить телеграмму матери, которая в это время жила в деревне Малиновка Ульяновской области. Телеграмма была срочная и опередила письмо, но... 27 марта 1944 года пришла похоронка: «... убит 17 февраля 1944 года. Похоронен в деревне Метскюла ЭССР». Младшему лейтенанту гвардии Владимиру Орлову было 28 лет. Мать Владимира говорила: «Хорошо, что не пришлось хоронить два раза...»

Так сложилась судьба небезразличных для нашей семьи людей. И, несомненно, каждая семья обладает своей дорогой и незабвенной историей, которую берегут и чтят.

Ход истории изменить нельзя, но можно и нужно извлекать из прошлого те уроки, которые оно нам диктует. На войне не только погибают люди, но и искореняются человеческие чувства. Война побуждает людей убивать друг друга ради политических, экономических и прочих целей. Но разве в этом состоит призвание Человека? Разве он рождается для того, чтобы истреблять жизнь в других? Ведь в природе каждого из нас заложено стремление к доброте, теплу, заботе. А война несёт с собой страх, разруху, горе... Тем не менее важно помнить, что каждый человек имеет право на жизнь — мирную жизнь, недаром оно провозглашается как высшее право. Любой конфликт может быть улажен мирным способом, и теперь, спустя 70 лет после катастрофического события, ни в коем случае нельзя допустить его повторения. Война 1941—1945 годов наделила человечество бесценным опытом, который вечно будет напоминать о неистовом страхе, о героизме и доблести и, безусловно, о трагических последствиях:

От героев былых времён
Не осталось порой имён.
Те, кто приняли смертный бой,
Стали просто землёй и травой.
Только грозная доблесть их
Поселилась в сердцах живых.
Этот вечный огонь, нам завещанный одним,
Мы в груди храним...

Е. Агранович

**СКВАЗНИКОВА
ЕКАТЕРИНА МИХАЙЛОВНА**

Окончила ГБОУ «Гимназия № 406» Пушкинского района Санкт-Петербурга. Студентка факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета. Увлекается чтением, современной публицистикой. Пишет стихи, любит животных.

Сокровищница памяти

Хрупкая материя, тоньше крылышка бабочки, тоньше осенней паутинки, невидимая и неосязаемая. Её нельзя положить в шкатулку, запереть в глубоком погребке или закрыть в железном сейфе. Сохранить её можно только в сердце, чутком и отзывчивом. Способные на это — настоящие мастера своего дела, настолько редкие в наше время, что их можно отнести, к сожалению, к вымирающему виду. Эти необыкновенные люди — хранители памяти. Если вы заглянете в Музей боевой славы 406-й гимназии, вам повезет повстречать одного из них.

Детство родом из войны

«Никогда не знаешь, где найдёшь что-то удивительное», — так любит говорить Нина Павловна Кушеверская, руководитель школьного военного музея. И она абсолютно права. Её детище — Музей боевой славы — можно найти в Царском Селе, в здании начальной школы 406-й гимназии, спустившись в темный подвал. Среди своих экспонатов Нина Павловна чувствует себя как дома. А когда она улыбается одними своими светло-голубыми глазами и говорит о том, что она счастлива и довольна своей жизнью, никогда не догадаешься, что этот человек пережил в детстве.

Маленькой Нине было четыре года, когда неожиданно-негаданно пришла война. В посёлке Сусанино под Петербургом, где жила девочка с родителями, начались бомбёжки. Один обстрел особенно чётко запечатлелся в памяти ребёнка и остался там на всю жизнь.

— Немцы начали бомбить посёлок, — вспоминает Нина Павловна, — все побежали укрываться в лес. Помню, мама толкнула меня в канаву, а следом сама прыгнула и легла сверху. Тогда я ребёнком была, не понимала, что мама меня своим телом от пуль закрывала. Затем последовала срочная эвакуация, расставание с отцом, оставшимся в блокадном Ленинграде. Жить было легче, чем в осаждённом городе, но война давала о себе знать. Двор, где мы остановились с мамой и бабушкой, закрыли на карантин из-за сыпного тифа, выходить куда было нельзя — тогда

и узнали, что такое настоящий голод. Одна женщина, врач из Петербурга, однажды пришла навестить нас — просовывает нам буханку хлеба в окошко, а у самой слёзы по щекам ручьём текут...

Пятилетняя Нина мужественно переживала невзгоды военных лет, помогала выхаживать заболевшего отца, и всё это время ждала, как и тысячи других детей, когда же наступят мир и спокойствие. И вот наконец счастье — Ленинград свободен, можно ехать домой и начинать новую, светлую и радостную жизнь.

Таких, как Нина Кушеверская, называют детьми войны. Но пережили и прочувствовали весь её ужас они по-взрослому, в каждом оставила она свой неизгладимый след.

— Я до сих пор боюсь салютов. Не люблю слушать взрывы...

70 дней победы

Девятое мая для Нины Павловны — святой день. Был, есть и будет. Когда она рассказывает о своём первом Дне победы, к горлу невольно подкатывает комок, а на глаза просятся слёзы от неподдельных, непередаваемых эмоций в голосе человека.

Первое Девятое мая семилетняя Нина праздновала на улицах Пушкина. Когда люди услышали передачу с новостью о победе русских войск над фашисткой Германией, народ высыпал из домов, все кричали, стучали в окна домов, будили весь город от военного, кошмарного сна. Празднование было в центре города, на пересечении двух улиц: рядом стояли разбомблённый дом и булочная, смерть и жизнь, а посередине всего этого — Победа, прекрасная и молодая!

— Все будто сошли с ума от радости. Поздравляли друг друга, обнимали и знакомых, и незнакомых, плакали и смеялись от счастья. Весь город не спал в эту ночь, — руководитель музея улыбается, вспоминая далекий и незабвенный день своей жизни.

Чтобы отметить главный праздник в семидесятый раз, у Нины Павловны будет целых два дня. Шестого мая она приглашена на концерт в гимназии, посвящённый 70-летию Великой Победы, после которого поведёт ветеранов и других гостей в свой музей. Надеется, что из оставшегося небольшого отряда ветеранов придут все. А Девятого мая Нина Кушеверская по давней традиции поедет в Сосновку, к памятнику защит-

никам ленинградского неба. Послушает выступающих на праздничном митинге, встретится со старыми знакомыми, друзьями музея. Вспомнит былое, и, скорее всего, в её памяти вспыхнет ярким огнем тот самый первый, самый победный майский день.

Первым делом самолеты

Нина Павловна ценит и уважает вклад всех людей, которые приближали победу. Но самое трепетное отношение у неё к лётчикам. Они спасли ей жизнь.

— Эшелон, в котором мы возвращались в Ленинград, должен был проезжать по мосту, — делится далёкими воспоминаниями удивительная женщина. — Немецкие бомбардировщики постоянно обстреливали его, и у железнодорожников было всего два часа, чтобы заново восстановить пути. Прошёл по мосту товарный поезд — взорвали, прошёл санитарный — тоже перевернулся. А когда наш эшелон проезжал, советские лётчики приняли бой в небе и не дали фашистам сбросить снаряды. Если бы не они, лежали бы все мертвыми в воронках.

Эта память о лётчиках-героях и благодарность им, несомненно, нашли отражение в деле её жизни. Какой он — Музей боевой славы, порученный Нине Павловне с самого начала её работы в 406-й гимназии. Маленький, может быть, но такой уютный по-домашнему, добрый, почти целиком посвящён защитникам воздуха времён Великой Отечественной. Самый главный экспонат — гордость музейного руководителя — часть самолётного винта, который Нина Кушеверская вместе с ребятами бережно перевозили с места на место, когда музей менял адрес.

Кроме этого, целый зал коллекции содержит экспонаты, подаренные Воздухоплавательным парком. Здесь дети и даже взрослые с удовольствием переодеваются в костюм летчика, натягивают тяжелый шлем и садятся в настоящее кресло пилота. Если включить воображение, можно даже представить себя в военном самолёте, несущемся навстречу вражескому истребителю. Но ощутить ту ответственность перед боевыми товарищами, отрядом, да и всей Родиной, которую испытывали лётчики каждый свой полёт, — невозможно. Остаётся только хранить память об их подвигах, живущую в письмах, фотографиях, медалях.

Невозвратные потери

У хранителя музея есть две заветные мечты. Первая — жить в Арктике. Нина Павловна признаётся, что всю жизнь болеет Севером, и однажды она даже три года проработала в Архангельске, но жизненные обстоятельства не позволили остаться. А вторая — найти без вести пропавшего во время войны дядю. Он сражался под Волховом, участвовал в обороне Волховской ГЭС. И пропал, как тысячи солдат по всей России, лежащие в братских могилах или поодиночке, пока не найденные, скрытые под тяжестью земли. В извещении о потерях личного состава деревня, где родственник Нины Кушеверской вёл свои последние бои, зачёркнута жирной чертой.

— Но если бы я только узнала сейчас, где дядя лежит, то тут же поехала куда угодно, лишь бы похоронить его, чтобы знать, где он, чтобы осталась память.

Для Нины Павловны, ощутившей вкус горькой войны, испытавшей страх смерти и радость победы, память — это чрезвычайно важно. Поэтому она и взялась с таким энтузиазмом и страстью за работу в школьном музее, стала с ребятами собирать свидетельства войны на полках и музейных стендах, участвовать в раскопках, выступать на митингах. Музей боевой славы за много лет кропотливого труда этого удивительного человека стал настоящим чудом, большой сокровищницей памяти, собранной с заботой и любовью.

Но ни один музей на свете не сможет стать лучшим хранителем всего незабвенного, чем наше сердце. И если вы откроете его для памяти, то и в вашем сердце будет жить сокровище.

**ЩЕРБИНИНА
АРИНА АЛЕКСАНДРОВНА**

Окончила ГБОУ СОШ № 180 с углубленным изучением английского языка г. Санкт-Петербурга. Студентка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Увлекается рисованием, музыкой и литературой.

Память сердца

Память... Слово, прочно вошедшее в нашу повседневную жизнь. «Помню, мы виделись на этом мосту», «Не забудь зайти к ней», «Напомни написать ему»... И еще сотни, тысячи подобных высказываний. Без сомнения, на вопрос «Знаешь ли ты, что такое память, что значит помнить?» каждый ответит: «Конечно!» Но так ли это на самом деле?

По словарю Ушакова, память — это способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления. В повседневной жизни, однако, мы пользуемся упрощённым определением памяти — храним и воспроизводим в сознании впечатления личные. Казалось бы, разница невелика, но, погрязнув в водовороте будничной рутины, полное, истинное значение этого слова потерялось, отошло на второй план. Люди находятся в постоянном движении, спешат, боятся опоздать, и времени на что-то, кроме себя, у них практически не остаётся. «Да-да, припоминаю», — как способ отвязаться от ненужного разговора, продолжить движение. И всё бы ничего, но в категорию «ненужных» зачастую попадают разговоры на темы действительно важные, забывать о которых нельзя ни в коем случае.

Одной из таких тем является Великая Отечественная война. Конечно, о ней помнит каждый, — но помнит в будничном, упрощённом смысле. Героические победы, разгромные поражения, гибель людей в осаждённых городах... «Всё это было, но было не со мной, а потому не заслуживает пристального внимания», — проносится в голове современного человека. Действительно, 70 лет — большой срок. Но живут ещё очевидцы тех событий, а значит, живы и воспоминания — личные, из первых уст.

Когда началась война, моему деду, Борису Владимиру Александровичу, было всего 15 лет. Его семья — бабушка, мама, две сестры и малолетний брат — жила в поселке Важины Ленинградской области и вынуждена была эвакуироваться в тыл на последней барже по реке Свирь и далее до города Котлас. Дорога заняла почти месяц. По прибытии, однако, слушая сводки военных новостей, дедушка не мог оставаться в стороне, и в январе 1943 года, как только ему исполнилось 17 лет, он записался на фронт добровольцем, прибавив себе год. После шестимесячной учёбы в школе миномётчиков в Вологде дед попал в 68-ю Гвардейскую Проскуровскую дивизию. Вместе с однополчанами он воевал на

I, II и III Украинских фронтах и в одном из сражений был серьёзно ранен в голову. С поля боя его вынесли санитары — и тем самым спасли ему жизнь. Дедушке потребовались месяцы, чтобы восстановиться, после чего, несмотря на запреты врачей, он вернулся в дивизию и участвовал в освобождении Польши, Венгрии и Австрии. Май 1945 года он встретил лейтенантом-командиром миномётного взвода в городе Грац в Австрии. Был награждён медалью «За отвагу», за освобождение Будапешта и за победу в войне. Пройдя войну, дедушка не любил рассказывать о ней. Единственным исключением были его фронтовые товарищи — о них он всегда вспоминал охотно и с теплотой. Дедушка очень хотел вновь встретиться со своими однополчанами, и его детям удалось отыскать их, но, к сожалению, встреча не состоялась. Однако они поддерживали связь посредством переписки вплоть до его кончины.

Несколько лет назад мама познакомила меня с удивительной женщиной. Александра Степановна Хробостова — коренная ленинградка. Перед началом войны она вышла замуж. Война застала её с маленьким ребёнком на руках. Муж практически сразу ушёл на фронт добровольцем, и Александра Степановна с сыном остались одни. Жизнь в блокадном городе и так нельзя назвать лёгкой, а молодой матери приходилось особенно трудно. Кормить, лечить ребёнка было нечем, и, спустя несколько месяцев Александра Степановна потеряла сына. Исхудавшая, лишённая сил, но несломленная, она всё равно участвовала в дежурствах на крышах города по тушению зажигательных бомб, старалась поддерживать соседей и знакомых. Александру Степановну эвакуировали из блокадного города по льду Ладожского озера. В тылу она получила известие о гибели мужа и пошла машинисткой на фронт. Воевала на Ленинградском, I Украинском фронтах. Награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией». После окончания войны, несмотря на тяжёлые воспоминания, она вернулась в Ленинград. Поистине поражает сила духа этой женщины: перенесла блокаду, пережив потерю родных и близких, пройдя все тяготы военных лет, Александра Степановна осталась доброй, отзывчивой и, несмотря ни на что, сохранила оптимистичный жизненный настрой.

В архиве школы, в которой я училась, хранятся документы о ещё одном жителе блокадного Ленинграда — Игоре Георгиевиче Кватернюке. С ними меня познакомила учительница русского языка и литературы Ольга Львовна Курбатова. В 1941 году Игорю Георгиевичу было всего 14 лет. Несмотря на юный возраст, он вместе с родителями ездил на

рытьё противотанковых рвов, наравне со всеми работал под бомбёжками и частыми артиллерийскими обстрелами. По его словам, лишь одна мысль помогала тогда держаться: «Если ров сделаем, немецкие танки не пройдут, город будет в безопасности». В один из дней вражеские самолеты подлетели достаточно близко и начали обстреливать работающих людей. Тогда Игоря Георгиевича ранило в правую руку, ногу и в правую сторону живота осколками от разорвавшейся неподалёку бомбы. Он был отправлен в госпиталь, однако из-за попавшей в рану инфекции лечение продолжалось долго. Зимой 1941 года Игорь Георгиевич потерял отца, а спустя год, уже во время эвакуации из блокадного Ленинграда, умерла от истощения его мать. Выживших тогда направили в Омск, а после двухмесячного лечения в местном госпитале — в колхоз Алтайского края, село Н. Покровка Бистокского района. Там Игорь Георгиевич пахал землю на быках, пас скот и лошадей — «всё приходилось делать в годы войны, чтобы победить врага». За заслуги перед Родиной он награждён Орденом Отечественной войны, медалями, в том числе медалью «Китайско-Советская дружба». После победы Игорь Георгиевич переехал на Украину, где стал Почётным вице-президентом Приднепровской ассоциации блокадного города-героя Ленинграда и председателем Никопольского общества «Жители блокадного Ленинграда». Кто же знал, что спустя столько лет ему вновь придётся пережить ужасы войны — на этот раз гражданской, не менее жестокой и разрушительной! К сожалению, сейчас связь с Игорем Георгиевичем потеряна, поэтому неизвестно, удалось ли ему и его семье эвакуироваться из осаждаемого Никополя.

На первый взгляд, эти истории ничем не связаны между собой. Воспоминания, судьбы, жизненные пути бесконечно далёкие, ушедшие в историю. Но что есть история, как не набор таких воспоминаний? По отдельности, возможно, они представляют интерес лишь для самих ветеранов, их семей. Но, собранные вместе, рассказы очевидцев дают следующим поколениям представление о том времени, беспристрастно изображают жестокое лицо войны.

К сожалению, с каждым годом людей, переживших ужасы войны, становится все меньше. И чтобы не дать историям их жизней кануть в Лету, нужно найти время в суете будней, разделить с ними воспоминания о тех днях, сделать их частью своей памяти. Только так можно сформировать память общую, навеки запечатлеть подвиг ветеранов в сердцах последующих поколений.

**БЕСКРОВНАЯ
АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА**

Окончила ГБОУ Лицей №369 г. Санкт-Петербурга. Студентка Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, кафедра конфликтологии. В свободное время любит читать как классическую, так и современную литературу, играть на фортепиано, петь и танцевать, углубленно изучает английский язык.

Двукратный победитель Всероссийской олимпиады школьников «Россия в электронном мире» по обществознанию, победитель по истории и русскому языку.

Двукратный призер регионального этапа Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию.

Призер заключительного этапа олимпиады СПбГУ по обществознанию.

Вечная память

Казалось, это не кончится никогда. Не успевая долететь до земли, снег окрашивался в багровый цвет — цвет, который до последних дней преследовал в кошмарах участников сражений, навечно вписанных в самые кровопролитные страницы нашей истории. Смерть уносила сотни, тысячи, сотни тысяч тех, кто совсем недавно мечтал о счастливом будущем, а теперь навечно закрыл глаза от мучительного ранения, голода или болезни. Вчера они беззаботно играли во дворах, ходили в школу и прилежно изучали новые предметы, чтобы сегодня променять свои детские платья и брючки на протёртую шинель с плеча старшего товарища, который уже никогда не сможет застегнуть её на все пуговицы. Кто мог сотворить это с ними, так рано поседевшими и познавшими ужасы войны?

И кем были они? Они, свято верящие в то, что мы победим. Знающие, что по-другому просто не может быть. Молящиеся на Отечество, на свою непогрешимую, храбрую Родину. Что мы можем сказать про них за исключением того, что они отдали свои жизни за светлое будущее потомков? Что осталось от них, кроме «похоронок» — роковых клочков измятой бумаги, символизирующих гибель хрупкой надежды родных и близких?

Могли ли они хотя бы догадываться о том, что будет происходить на земле, которую они защищали своим телом, спустя семь десятков лет? Думал ли мой прадед, героически погибший под Донецком, что в следующем веке там совершится государственный переворот, который сложно назвать точнее и выразительнее пушкинского «бунт бессмысленный и беспощадный»? За это ли сражались мальчики, сменившие велосипеды на танки, и девочки, ставшие настоящими ангелами для раненых, умирающих солдат?

О войне было сказано многое, но этих слов никогда не будет достаточно. Те, кого мы не забудем, заслужили гордое право называться Людями с большой буквы. Это и есть настоящий подвиг, который был совершён без притязаний на почести, славу и богатство. Посмертный подвиг, подаривший жизнь нам — порой не оправдывающим это, разменивающимся на мелочи, живущим ложными ценностями и неверными убеждениями. Можем ли мы искупить вину перед ними, сокрушенно

смотрящими на нас с небес? Что нужно сделать, чтобы доказать им, что мы достойны этой жертвы, хоть нам и не хватит сотни лет, чтобы отблагодарить их сполна? Говорить. Говорить вслух о том, о чем нельзя молчать. Говорить, несмотря на сложность, с которой слова выстраиваются в предложения при мысли о том, что семьдесят лет назад мои ровесники готовы были умереть за Отечество. Напоминать. Напоминать всем и каждому, что без истории не будет существовать государства, поскольку наше настоящее держится за прошлое всем своим нутром. Напоминать постоянно, ежеминутно и ежечасно, а не в преддверии 9 мая или дня освобождения конкретного населённого пункта. Верить. Вместе с ними верить в то, что наша страна всё выдержит, выстоит и не преклонит голову перед трудностями и бедами. Только тогда мы сможем называться Людьми, как теперь называем их.

...И запахнет фронтом — снегом талым,
Кровью и пожарами мой стих.

Ю. Друнина

КОНДЮРИН ИВАН АНДРЕЕВИЧ

Окончил ГБОУ СОШ Лицей №384. Студент филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Кафедра скандинавской и нидерландской филологии, направление — «Лингвистика; иностранные языки (датский)».

Призёр (2012) Всероссийской олимпиады по искусству (МХК).

Победитель (2012) и призёр (2013, 14) регионального этапа Всероссийской олимпиады по литературе. Двукратный участник заключительного этапа.

Победитель (2013) и призёр (2012, 14) регионального этапа по МХК, призёр (2012) по русскому языку.

Победитель Всероссийской научной конференции «Интеллектуальное возрождение» (секция «История», тема (обобщённо) — причины утраты Русской Америки).

Победитель (2010) городской олимпиады по географии.

Победитель (2013) Всероссийского творческого конкурса «Звезда удачи».

Призёр (2013) Международного литературного конкурса «Творчество юных» (оба диплома за роман на тему восприятия образа России нашим поколением).

Двукратный призёр конкурса «Овеянные славою флагом наш и герб» (в номинации «литературное творчество»).

Лауреат Президентской премии по поддержке талантливой молодёжи.

Эволюция искусства как важнейшего средства формирования общественного мнения. Политическая история России. Античная литература и философия. Прерафаэлиты и постимпрессионизм. Современная живопись, скульптура и промышленный дизайн. Авторское кино. История и этнография островов Атлантики. Устрицы и другие съедобные моллюски. Музыка Рахманинова и Щедрина.

Ignoble Invitation*

1 октября 1944, Нессебю

, так что сиди смиренно и даже не думай об этом.

А что же касается отношения к ужасам войны простого солдата, то здесь я едва ли открою для тебя Америку. На войне как никогда ощущается слабость и пассивность человека. Притом он подчиняется не всемогущим силам природы, а таким же обычным людям, за которых, однако, ему надлежит воевать. С другой стороны, что-то необычайно широкое чувствуется в этом акте одновременного убийства и гибели, преступления и подвига. Ошибкой будет считать, что солдат всего лишь выполняет приказ и не задумывается ни об идейной, ни о моральной стороне вопроса. То есть он, может, и не задумывается, но метафизически он всегда причастен ко всем воплощениям войны. Ко всем её ипостасям в каждый момент времени.

В этой связи тебя, Алексей, должно заинтересовать моё небольшое странное открытие. В прошлом году я много ездил по территории оккупированной Украины, собирал фольклор для статьи об отношении местного населения к власти и войне. В одной деревне ко мне прямо в руки попали любопытные записки. Хозяйка так и сказала — мол, завещали отдать писателю. Ну, я её не стал разочаровывать и забрал их с собой.

Конверт весь пропах отхожей ямой, и я даже думать не хочу, от чего именно.

Там немного — страниц десять набито слабой рукой на машинке, а остальное — аккуратно написанный от руки древнегреческий текст. Бумага вымазана крепким чаем и чем-то ещё, чтобы казалась старой и походила на пергамент.

Herr Madsen намекнул, что наши письма должны быть по возможности короткими — уж не знаю, каким образом они их передают, но подчиняюсь покорно и потому не буду приводить полный текст записок. Но если тебе интересно, я попробую пересказать печатные страницы в следующем письме.

А вот с рукописью нужно немного поработать. Скажу сразу: я понятия не имею, зачем потребовалось кому-то создавать эту беспо-

*перевод строки из Ахматовой, здесь «речь недостойная»

лезную ущербную подделку: от косноязычного греческого, которым она писана, за милою веет какой-нибудь провинциальной гимназией. Неизвестный автор — уверен, что печатный текст и это созданы разными людьми — или мается дурью, или хочет показать кому-то, что умудрился самоучкой освоить теорию литературы и даже прочитал что-то из аттической комедии.

Так или иначе, жду ответа и с неохотой принимаюсь за перевод,
Kærlig Hilsen.

* * *

P. S. Очень рад, что могу писать тебе часто, с тех пор как ты перебрался в Тромсё. По осени там холодно и сыро, но ближе к январю ты почувствуешь уют и очарование этого города: честное слово, за Полярным кругом я ещё не видел места лучше.

4 октября, Киркенес

Алексей, здравствуй.

Пишу тебе без всяких долгих приветствий и смешным, должно быть, слогом за решительной нехваткой времени. Сегодня получил твоё письмо на новонорвежском. Прямо как в семнадцатом году, помнишь? Я поехал в Крым снимать фильму о возвращении остатков Черноморского флота. Презабавная была ситуация, если бы не оказалась такой грустной. Они и приказ честно исполнили, и изменниками вышли в то же время. Во всяком случае, именно об «изменниках» толковали у нас на каждом шагу и те и другие. Хотя не они ли сами подписали тот нелепый мир и отдали немцам и город, и весь флот? Последних верных людей клеймили позором в каждой статье. Сам подумай: можно ли теперь верить хоть одному их слову? Да я вообще не помню, когда в заголовках столичных газет была хотя бы капля правды и объективности.

Вот я и хотел поговорить с народом, с людьми в городе, узнать, что они думают обо всём этом, за что те моряки готовы были упорствовать и идти на смерть.

Но после севастопольской бойни понял, что оставаться в России себе дороже, и решил сразу пробираться на Запад. Когда всё улеглось

в Новороссийске, я на греческом пароходе почти бесплатно добрался до Констанцы, но там надолго застрял, ожидая возможности отплыть с кораблями Антанты — они стояли на рейде после освобождения города. Я жил в отеле, где разместились британские штабные офицеры. Хотя контрразведка и держала меня на коротком поводке, ни одного из твоих писем на новонорвежском эти олухи так и не смогли прочесть. Иначе разве был бы я жив?

Через два года мы встретились в доме бывшего секретаря посольства в Кристиании. Ты помнишь нашего старого Ларса? Это ведь он договорился с финскими пограничниками, когда ты бежал из Петрограда после первого штурма в 1919.

Но довольно о прошлом, возвращаюсь к известному нам странному опусу. Я до сих пор не уверен, были ли те печатные листы настоящим дневником. Не знаю, кем и когда они были писаны. Неясным остаётся и положение героя — то ли солдат, то ли кто из низшего офицерства (не разбираюсь в новых советских званиях). Весьма вероятно, что студент, выковыранный войной из какого-нибудь словесного факультета МГУ. Насколько я могу судить, записки сделаны в сорок втором, вскоре после провала харьковской операции.

Герой наш был ранен в ногу осколком. Его нашла и перевязала санитарка, так что он выжил, но самочувствие его делалось хуже с каждым часом. Ближе к ночи началась лихорадка, температура поднималась всё выше. Он просил тени — говорил, что азиатское солнце слишком сильно печёт голову. Грохот канонады и вспышки взрывов и сигнальных ракет он принимал за пожар в городе. Умолял позаботиться о жене и подниматься скорее в горы. Говорил, что желал бы остаться здесь и умереть героем, но высокая миссия его ещё не кончена. К утру он уснул, повторяя вслух какие-то жалобные молитвы. Проснувшись, он подробно и обстоятельно рассказал о царстве мёртвых, его географии и топологии, и о тройком аспекте дивергенции загробного мира.

Через пару недель ему несколько полегчало. Не без помощи товарищей он раздобыл цветы и пузырёк со спиртом, но, вопреки ожиданиям, вылил его целиком под ноги санитарке и туда же бросил цветы, бормоча что-то о возлиянии Афродите и благодарности за спасение. В числе прочего он говорил, что стыдится материнской помощи и жаждет вернуться на поле брани. Весьма смутил своего близкого друга, заявив, что тот — Гектор и потому умрёт.

Особенно встревожило всех следующее происшествие: ночью он каким-то образом сбежал и выбрался из окопа. Ползком добрался до некоторых убитых солдат — бог знает, почему он выбрал именно этих — и с молитвой стал присыпать их землёй.

Его заметили и почти без шума вернули: он шипел, что не допустит осквернения и похоронит всех, особенно брата; что законы богов выше людских законов, а выше божьей воли нет ничего.

Однополчане объясняли это шоком — в самом деле, мало кто поправлялся так быстро. Со временем он стал вести себя смирно, сидел вместе с прочими в окопе и дважды ходил с ними в контратаку. И всё же изложенные в дневнике мысли героя не позволяют утверждать, что бред прошёл. Напротив, он прочно закрепился в сознании, став удивительно разумным, взвешенным, как бы заменив собой прежнюю систему взглядов на мир. Я заглянул в конец записок и столкнулся с удивительно здравым рассуждением о так называемом юбрисе. В числе прочего он задаётся вопросом, является ли проявлением гордыни противостояние гордыне и идёт ли вразрез с божественной волей попытка не дать другому нарушить оную. Герой наш считал, что да, и притом именно в этом видел он высшую добродетель, высшее проявление благородства и мужества. Поставить выше своих или чужих целей, выше мировой системы ценностей, выше божественного предопределения, выше богов и выше самой судьбы некую общую правду, нарушить ради неё законы и клятвы и понести страшную кару, пожертвовать собой и собственным благом лишь затем, чтобы была сохранена высшая гармония в мире, неведомая ни людям, ни богам.

Это, разумеется, чушь и невероятная ересь. Только идя от малой добродетели, возвышаясь шаг за шагом лишь до обозначенной Господом высоты, может человек достичь той небольшой частицы гармонии, которая отмерена ему на этом свете.

Сегодня не буду рассказывать дальше: мне противно видеть эти строки и тем более неприятно осмысливать и анализировать их — да и вообще я не уверен, что они заслуживают анализа.

Кстати, завтра меня направляют из Киркенеса к самой границе. Кругом ходят слухи о скором наступлении советской армии, и администрация района просит описать в положительном свете состояние наших доблестных войск. Я, конечно, выполню приказ, но это не избавит меня от сомнений в душе: баварские горные стрелки были хороши для борьбы с партизанами и поддержания порядка, но разве смогут они отстоять

города и шахты в открытом бою, разве сделают они хоть что-то против тяжёлой артиллерии, которой у русских теперь без счёта? Грядущая победа (а в ней я уверен) не будет стоить советскому командованию ровным счётом ничего, и если они потеряют хотя бы тысячу солдат, я назову это полным провалом.

Я скучаю и с нетерпением жду возможности взглянуть на тебя снова. Увы, в такое время я не могу оставить работу, но при первом удобном случае вылечу в Тромсё. Будь осторожен как никогда: им не в чем тебя обвинить и при любом исходе ты сможешь жить в мире и покое. Не пиши сейчас ничего однозначного, а лучше вообще ничего не пиши.

Береги себя.

* * *

6 октября, там же

Сегодня летали на самолёте. С воздуха хорошо видны советские позиции под Никелем.

В сознании немецких солдат страх смешивается с неуверенным патриотизмом. Те из жителей, кто ещё не покинул город, не выходят на улицу и молятся, чтобы не было обстрела.

Я надеюсь на удачу: опыт сорокового года показал, что без контроля над горами вся инфраструктура будет крайне уязвима. Верю, что патриотизм пересилит неприязнь к режиму Квислинга и мы вместе сможем отстоять страну.

От меня вновь потребовали написать о силе армии, о единстве наших наций и грядущем торжестве. Нельзя не видеть неправоту их директив. Все потуги поддержать боевой дух и прогерманские настроения (несуществующие на деле) имеют противоположный эффект. Им бы попробовать вместо этого сыграть на национальном самосознании, найти мужество представить себя необходимым злом, чтобы Советская армия показалась населению злом ещё большим. Если норвежцы будут видеть, как под колпаком коллаборационизма формируется их национальное единство, они, несомненно, предпочтут оккупацию освобождению Союзом.

Собственно говоря, я так и написал в администрацию. Не подумай только, что я сам такого мнения: я всего лишь ищущий способ эффективнее

выполнять свою работу. Жизнь диктует свои правила, и подчиняться им куда разумнее, чем упорствовать. Душой я верю в единую и суверенную Норвегию и с нетерпением жду возможности лицезреть её окончательное становление.

Ещё немного о записках. Значительное внимание их автор уделяет сочинениям Платона и их своеобразному анализу. Он сперва печатает точный текст «Критона» в русском переводе, но затем с ненавистью закрашивает его карандашом, точно стремясь показать, что ему известно мнение Сократа о почти христианском принятии наказания и о недопустимости ответа жестокостью на жестокость, но он категорически не согласен с ним.

Теперь я почти понимаю его несогласие: благородное смирение Сократа совершенно оправдано в эпоху, когда человеку мудрому должно укреплять авторитет государства и закона и вместе с тем напоминать людям о божественной воле и божественном правосудии. В тех условиях едва ли нашёлся бы человек, готовый спорить с Сократом. Но порядки и законы попорчены уже полвека назад, и, кажется, сам Бог отвратил взор свой от этого мира и поддержание высшей справедливости ложится единственно на плечи тех, кто готов ради неё отдать всё, даже самое святое.

За перечёркнутым следует другой текст — герой словно переписывает философский диалог под себя, становясь и философом-наблюдателем, и действующим лицом. Сократ у него несколько раз вспомнил свой пророческий сон. Мне в память впечаталась та строка: «В третий ты день, без сомнения, Фтии достигнешь холмистой».

Сократ покорно ждал своей казни на следующий, третий, день. Внезапно выяснилось, что священное посольство задержится по воле Борея, не дававшего кораблю пристать к берегу. Уже через неделю после начала бури Критон уговорил Сократа бежать. Перед рассветом они с Алкивиадом, Критоном и прочими явились в темницу, подкупив стражей. Сократ хотел спать и просил оставить его. Он до последнего цеплялся за прутья решётки, но всё же был спасён. Час спустя за городом он поскользнулся и свалился с горной тропы. Его тело ученики вернули в темницу, смазав губы ядом.

О смысле этой истории я пока судить не берусь.

* * *

7 октября

Начали бомбить. Я был прав: невзирая на поддержку с моря и с воздуха, наступление захлебнулось, и линия обороны не была прорвана. Немцам удалось закрепиться в порту. В бухте и на всех перевалах хорошо защищённые позиции.

В городе ещё вечером прошли аресты. В администрации меня не послушали. Глупцы, они ещё не видели нашего сопротивления в полную силу. Когда мы завалим тоннели, разрушим дороги, взорвём корабли в бухтах — тогда они поймут, что лишь признание нации равной и единосущной дало бы им поддержку населения.

Здесь Платон ошибался: народ нельзя не слушать. Но слушать его тоже нельзя — в этом он был прав.

Герой наш тоже и соглашается, и не соглашается с ним. Он словно пытается найти мужество встать выше категоричной правды Платона, притом к другим высказываниям философа по-прежнему относится с почтением.

Он стал иначе выражаться: с каждым абзацем всё больше имён и топонимов, и все верны — я проверил. Уже не пересказывает, а уверенно цитирует все образцовые переводы. Уверенно играет философскими и этическими категориями, демонстрируя великолепное знание идей всех важнейших школ, а также позиций критиков и последователей.

Изменились и другие его мысли. Я не осмелюсь рассказывать здесь, но ты, Алексей, поймёшь меня. Он уже смотрит на славного Сократа не только как на учителя. Ночью после застолья он порывался даже задуть Алкивиада и отказался от своих намерений потому только, что сам Сократ не выносил жестокости и насилия.

Читая, я вспомнил и о нас — как мы пытались изображать из себя братьев, когда брали номер в отеле одного из старых городков Лигурии. Был пятнадцатый год: тебя тогда со скандалом выгнали из газеты, и мы в тот же день уехали к чёрту из Женевы и направились к морям, где было ещё тепло. Одним утром, проснувшись на пляже, мы узнали, что страна вступила в войну, и снова должны были ехать. На станции в Берне наши пути разошлись: я уехал в Германию и стал

корреспондентом мюнхенской ^{***}, а ты так и осел в Швейцарии до февраля семнадцатого, когда вместе с другими прибыл в Петроград за несколько дней до крушения.

После командировки в Крым и подлинно гомеровской эпопеи с возвращением в Европу я понял, что не могу больше лицезреть все эти войны, крушения империй и в особенности то остервенение, с которым люди готовы были терзать друг друга до победного конца. Я написал нашему старому Ларсу, и он через знакомых в министерстве выхлопотал для меня политическое убежище. Я, честно говоря, был уверен, что этим всё и кончится.

12 октября

Наконец представилась возможность написать. Как ты, Алексей?

Баварские стрелки попали в окружение: как я понял, ночью русские высадили новый десант и отрезали их с запада. Потеря форта и артиллерийских батарей становится вопросом времени. Не дожидаясь разрешения, я отправляюсь обратно к Киркенесу с немецкой колонной: я очень хорошо знаю одного офицера, мы доедем на его автомобиле.

Продолжаю изучать записки. Всё больше в них обнаруживается талант удивительной силы. Речь нашего героя пропитывается намёками и аллюзиями, которым позавидовал бы сам Пиндар. Он мастерски перенимает не только лексику, но даже стиль. Прекрасно ориентируется в риторических школах и особенностях стилей ведущих ораторов. Слог Исократу ему особенно импонирует. Во всяком случае, именно он наиболее явно выделяется в следующей торжественной речи об альтруизме и высшем его проявлении — способности целиком отдаваться мысли о чужом благе, забыв о собственной смерти и страданиях. Он приводит фрагмент об Ио из «Прометея прикованного», намекая на сходство Прометея и Тараса Бульбы.

Я пребываю в некотором замешательстве: в отношении идейной стороны я вплотную приближаюсь к пределу своих возможностей понимания и осмысления, и, боюсь, здесь не помогут энциклопедический словарь и статьи немецких филологов. Наш герой думает совсем иначе, и мне никогда уже не найти с ним общий язык.

Удачи тебе. Жду ответа.

* * *

20 октября, Киркенес

Со дня на день падёт Тарнет, и путь на город будет открыт. Власти пытаются формировать ополчение, но людей почти не осталось: все или на юге, или ушли к повстанцам. Всю дорогу до Киркенеса мы видели воздвигаемые в спешке массивные укрепления. Мост через фьорд взрывали на наших глазах. Я чудом смог договориться с одним рыбаком и переправиться на лодке. Мне жаль оставшихся на том берегу людей; горько смотреть на то, как просторы милой моему сердцу страны разрываются на части.

Этим письмом завершаю описание печатных листов. Добавлю, что в конце герой наш задумывается вновь о последних днях Сократа и приходит к выводу, что пророчество даётся свыше и не может лгать, только адресовано другому. Он вспоминает, что Сократ держал его за руку, говоря о смерти, и понимает, что через три дня погибнет сам. Больше сколь-нибудь осмысленных записей на русском не осталось — только карандашная приписка на обороте: «Из двух зол истинно мудрый человек рано или поздно обязан выбрать большее».

21 октября

Я так ни слова и не сказал о той греческой рукописи. До сих пор не понимаю, зачем она потребовалась нашему герою: его пересказы и переделки античных трудов были чудесны, но к чему было создавать текст с нуля, своими силами, да притом сразу на древнегреческом? Даже со своими скромными познаниями в этом языке я могу заключить, что достоинства её куда как спорны (по-моему, я уже писал об искусственной, будто изломанной непосредственности автора).

Мало того, что он пародирует прекраснейшие творения Аристофана (я, по крайней мере, вижу нескрываемое влияние «Мира» на этот опус). Он ещё и пытается неуклюже и нарочито показать актуальность идей этой комедии. Но не может же он быть настолько недалёким, чтобы не понимать: мало просто надуть старую, давно уже почившую форму новым, якобы злободневным смыслом. Нужно хоть как-то привести в соот-

ветствие с собственной идеей и систему образов, и собственно форму. И даже если всё это получится, сам по себе жанр не позволит авторской идее выглядеть сколь-нибудь серьёзно.

Пока что не буду раскрывать тебе всю фабулу: по-прежнему надеюсь послать конверт со всеми моими комментариями и переводом. Сюжет комедии довольно оригинальный и забавный, и не хочется лишать тебя удовольствия ознакомиться с ним сразу должным образом.

Скажу лишь кое-что о финале: он абсолютно очевиден и предсказуем, и я могу не опасаться, что испорчу впечатление. Главного антагониста жестоко убивает посланный Зевсом хор молний и огней, руководимый обнажённым Прометеем. А злодей видит их порождениями тьмы и Зевса же молит о защите.

Кто враг, кто злодей? Да разве это важно? Сейчас враги для меня и там, и там, и даже здесь. Не понимаю, где я ошибся или сбился с пути, но верю, что должен быть какой-то выход. Я берегу в сердце память о днях, проведённых вместе. Я надеюсь, что любовь озарит мне путь и приведёт к истине, ведь только вечная сила Эрота связывает всё в этом мире.

* * *

[Эти бумаги не относятся ни к одному из писем; мне выдали их в архиве одного карельского учреждения. Не знаю, как они сохранились и отчего оказались именно там. Предполагаю, что они тоже адресовались Алексею.]

Весть о падении Киркенеса застала меня уже на пути в Тромсё: я оставил город накануне вечером, бросив все вещи и все заметки и в мыслях желая наихудшего городской управе, оккупационной администрации и всем тем, по чьей вине не сложились отношения народа с властью и городá теперь один за другим сдаются Советской армии. В тот же день партизаны взорвали железную дорогу, которая связывала Север с южной частью страны.

Я ехал на лёгком грузовике с каким-то норвежцем. Он вёз трубы и, видимо, не сильно переживал из-за происходящего. На полпути нас остановил немецкий патруль. Машину забрали, сославшись на новое распоряжение. Норвежец закричал на офицера.

Когда я остался один, я некоторое время сидел на камне и смотрел в сторону фьорда: здесь дорога уже шла вдоль берега, оставляя горный хребет далеко к югу. Солнце едва светило сквозь сплошные облака, и его света стало слишком мало. Окаймляющие фьорд горы снизу оставались тёмно-бурыми от скал и жухлой травы и потому резко выделялись на фоне серебристой водной глади, а сверху были припорошены снегом и почти сливались с белёсым небосводом — будто бы небо уже опустилось совсем низко и готовится поглотить этот кусок мира, начиная с самых высоких его частей. Невдалеке виднелся облепленный кустами мелкий ручей — по берегам намёрз лёд в несколько тонких слоёв, но в середине ещё виднелось тёмное, изорванное русло. Вода быстро бежала по нему, силилась успеть добраться до моря прежде, чем станет слишком поздно. Хорошо бы и мне поспешить: я тоже ещё могу успеть к морю.

Корка льда на камне подо мной таяла, и капли воды потекли по его неровному телу. Я явственно чувствовал, как стремительно сжимается пространство вокруг, как из него уходят последние капли жизни. Через несколько часов дорогу взорвут: со стороны Швеции подходят полки эмигрантского ополчения. Завтра по этому полю проедут колонной советские танки. Куда? Почём я знаю. В Тромсё, в Берген, в Берлин, в Гибралтар.

Я отрезан от жизни и от мира. Истекает отпущенный мне срок, но я впервые понял, что время есть у меня, пусть даже сейчас его как никогда мало.

Часа два, кажется, я сидел и думал. О времени, о направлении, о том, что же всё-таки важно. Я достал блокнот и карандаш из кармана потёртого серого пальто и стал писать.

25 октября

Чувствую, что уже не успею изложить тебе подробно все мои идеи и наблюдения, и потому перейду к главному.

Этот финал, эти выдержки из Аристофановых «Облаков»: «Перестань городить пустышки! Зевса нет!» Да весь фантазмагорический сюжет этой комедии отрицает главенство богов, говорит нам, что божественный закон и божественная воля не могут стать окончательным ориентиром; что есть что-то более значимое и более твёрдое — нечто, которое мы

как можно скорее должны найти, иначе нечем будет осветить мир, когда погаснет солнце.

Все прежние записки были попыткой переосмыслить античное в античном контексте, только шире и обобщённое. Здесь же наш герой сам без тени страха предпринимает отчаянную попытку с шаткого античного трамплина прыгнуть в современный мир, в современную философию. Его уже не интересует соответствие образов и стилей. Он выуживает из собственной пьесы — а я только теперь понимаю, что она подводит итог всему развитию античной драмы и связывает все идеи её — то единственно важное, что он хочет вложить в наш мир.

Только теперь я начинаю в полной мере понимать стройность и величие его замысла. От рождения до смерти; от первого, едва осознаваемого в лихорадочном бреде пробуждения и до той высшей точки, на которой гибель индивидуального не значит ничего, ибо меркнет перед вечной громадой созданной им идеи; всё это время он идёт к осмыслению идеи совершенной справедливости, которая будет управлять миром в тёмную пору, когда меркнет солнце, слепнут боги и рушатся мосты. Шаг за шагом он разбивает те грандиозные, но ложные истины. Были обычаи, но стал закон, и подчинились люди закону. Был закон людей, но стал закон Божий, и стал он выше людского. И отделил он людей от богов. И была божья воля, но стала судьба. И боги подчинились судьбе. И судьба подчинилась правде. И правда подчинилась справедливости. И был Эрот, и сила любви соединила всё и всему дала жизнь.

Я представляю это не так, как записываю. И имею в виду не то, что представляю. Я едва могу осознать то именно, о чём говорил наш герой. Человек с позиции своего мира не в силах не только понять или вообразить эту идею; он не может даже предположить возможность её существования. Именно поэтому нашему герою бесполезно было оставаться в живых, и он умер на четвёртый день от заражения крови (не на третий, так как пророчество всё-таки врёт, а боги, особенно Борей, пока ещё имеют некоторую власть на нашем печальном замерзающем свете).

Именно поэтому он не рассказал её вслух, а описал свой недолгий, но длинный путь в таком виде, придумав даже для себя изящную художественную кончину — будто Полемос (Война) смолол его в ступе вместе со всеми людьми и странами, пока остальные в пещере насильовали и Мир,

и Жатву, и всё остальное. Именно поэтому ему понадобилась Античность: он должен был — и Вселенная предоставила ему такую возможность — выйти за пределы исключительно одномерного, современного мирозерцания, чтобы постичь понятие этой чистой справедливости сразу из нескольких, а значит, сразу из всех времён и реальностей. И забыть обо всём, кроме неё, ведь абсолютной справедливости не надобно уже ни света, ни гармонии, ни богов.

На душе стало душно и совсем темно. Как бы ни была глубока мысль этого человека, я понял: вся его жизнь, весь разум — всё это, в сущности, свелось к войне. К её осмыслению. К чему-то, что должно оправдать и сражения, и смерть людей, и гибель его самого. Я понял даже, зачем он посыпал погибших землёй, и огорчился, что некому будет присыпать его — он так и останется истолчённым в ступе великана Полемоса. Они заплатили жизнью, смертью и памятью о них за идею, которую едва ли можно было представить. И другие, тоже не в силах её осознать, будут презирать их и клеймить позором.

[карельские бумаги]

Это всё так. Но что всё-таки хочет сказать мне в бреду умирающий в окопе восточной Украины солдат? Ведь абсурдно думать, что все эти записки оказались в моих руках волей случая. Так что же? Ау!

Холодный северный ветер раздувал полы старого пальто и ворошил листы бумаги — они лежали у меня на коленях перевёрнутыми. Мой взгляд упал на карандашную приписку. «Из двух зол истинно мудрый человек рано или поздно обязан выбрать большее» — вода слегка размыла слово «зол».

[снова карельские бумаги]

Я ехал на брошенном кем-то ржавом велосипеде на северо-восток по шоссе, которое когда-нибудь должно было привести в Несебю, а от туда — в Киркенес, где уже стояли советские войска.

Выезжая из длинного горного тоннеля, я услышал позади грохот: фашисты, отступая, взрывали дороги, тоннели и переправы. Они

определённо видели меня и могли нажать рычаг минутой ранее, ведь находиться на дороге было запрещено. Мне повезло. Сильный порыв холодного ветра не дал солдату расслышать команду с первого раза.

Я ехал ещё долго.

Не стреляйте. Свои.

[Это последняя из карельских бумаг.

Писана, как мне известно, 20 декабря 1944 в городе Кемь.]

Холодно, но это ничего. На востоке из Белого моря медленно встаёт холодное и тусклое красное солнце. Завтра оно взойдёт опять и будет всходить вновь и вновь каждый день, даже когда я уже не буду видеть его. К лету оно окрепнет и станет светить ярче. А на юге, у тёплых морей, оно даже сможет согреть вас.

Не кажется обетованным раем

Нашего ^{***}, конечно же, расстреляют в ноябре сорок пятого. Впрочем, не без оснований: заметки, писанные им в газеты испуганных норвежских городков, толковались в известном смысле и не могли быть оставлены без внимания. Несколько ленинградских литераторов, довольно даже известных, попытаются вступить за него и напишут коллективное письмо едва не на самый верх, но эффекта оно не возымеет. Сыграет, должно быть, роль и флегматичная высокомерная дерзость, с каковой он будет отвечать следователям, врачам и сановным посетителям. Перед расстрелом его переведут в Москву. Он несколько раз будет просить о захоронении в Тромсё, но без последствий: норвежское правительство тоже выдвинет ему ряд обвинений, и тоже вполне разумных. О просьбе вспомнят в 1995 по неясной причине. Хотя расположение могилы останется неизвестным, в самом Тромсё на собранные русскими деньги установят глянцевую каменную плиту возле церкви Св. Анны Новгородской. После её открытия какой-то эмигрант, низкий полноватый человек с жирной кожей и чёрными усами, прочтёт речь, предлагая почтить покойного, а с ним вместе и всех воинов пера, павших жертвой советских репрессий в годы лихорадочного послевоенного террора. Потом будет фуршет.

Алексею курьер доставит толстый конверт с рукописью и всеми комментариями. Дочитав их, Алексей запишется на приём к знакомому врачу с жалобой на слышимые им «голоса греков» и получит рекомендацию взять отпуск, больше спать и не слишком увлекаться литературой и философией. Он начнёт засыпать загадочными просьбами Трумского губернатора и чиновников Министерства иностранных дел. Получив наконец разрешение, Алексей отправит доктору короткую оскорбительную записку и с одним чемоданом направится к морскому вокзалу. Последующие семь лет он проведёт на Ян-Майене — длинном вулканическом острове в Атлантике, закутанном 350 дней в году в вязкий пятиградусный туман. Сотрудники метеостанции поначалу не без интереса будут наблюдать за тем, как *den mærkelige russer* бродит по скалам с багром и, добыв тюленя, сжигает его с сиропом и кукурузными хлопьями на открытом огне. Он расскажет им что-то бессвязное о Борее, в одиночку установившем великий мир среди людей и потому заслуживающем самых сладких жертвоприношений. Летом следующего года он зарежет содержащихся при поселении овец, пояснив, что на дворе гекатомбеон и жертва должна быть особо торжественной. Его начнут сторониться и вскоре перестанут пускать за общий стол. Он превратится в персонажа скорее легендарного, с тем лишь отличием, что у вновь прибывших метеорологов будет возможность удостовериться в правдивости всех рассказов о нём, пугающих и смешных, и увидеть воочию мрачную фигуру русского в чёрном пальто до пят и норвежских горных ботинках. Ранним майским утром он увлечётся погоней за чайкой-бургомистром: её появление представится знамением гнева и отвращения Борей, высылающего проклятье на прочих добрых морских птиц. От заморозка, случившегося предыдущей ночью, мокрые скалы на берегу будут покрыты скользкой коркой. Падая, он сломает шею и плюхнет в воду. Его исчезновение заметят, но искать не пойдут. Позднее кто-то закрепит на опоре старого анемометра похожее пальто. Колыхаемое неугомонным ветром, достигающим на горе силы необычайной, оно будет угрюмо обозревать оставленное великим богом и его верным жрецом воплощение мира на земле.

Были и другие версии — Алексея якобы видели на баррикадах во время алжирского восстания. Он едва ли понимал, с вандалами он бился или с французскими колонистами. Его пристрелил какой-то юноша в синем галстуке. Смерть «злобного поляка» воодушевила солдат.

Кажется, я упоминал ещё Ларса. Что ж, никакого Ларса на свете и отроду не было.

Но если ни один из них не утрудил себя сбором и публикацией писем, то кто же нашёл все эти бумаги; кто соединил их, снабдив заглавиями и краткими пояснениями; кто привёл к сему виду; кто, наконец, справился о судьбе героев и описал вкратце их занятную, хотя и вполне предсказуемую жизнь?

Положим, что и я. Добрый вечер.

Сказать хочу. И так, как я хочу.

Да, это очень плохой рассказ. Помимо мутного сюжета и до инфантильности простого стиля он наделён и хромающей на все ноги идеологией. Здесь нет Сталинграда, битвы за Москву и Курской дуги.

Но я горжусь тем, что при поиске ответов, при копании без тени надежды в мыслях и ассоциациях я нашёл эту идею, пусть единственную, пусть спорную. И горжусь, что это не рудимент вылизанной до блеска идеологии строя отцов, а некая новая мысль; что я смог найти её в душе сейчас и что это новое слово, пусть маленькое и едва ощутимое, в единое мгновение разорвало в клочья липкий мрак, своими лапами и щупальцами ворочающий в грязи вот уже больше года концепт «патриотизм» в моём сознании. И тем горжусь, что сейчас пишу это, а не историю о спасении Москвы от командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Морица Альбрехта Франца-Фридриха Федора фон Бока школьником из будущего.

И даже самая эта наивная экзальтация не пугает и не смущает меня, ибо это новое чувство мне нет нужды оправдывать, защищать и лелеять в сознании.

Уже потому, что оно появилось именно сейчас, оно не надоеет и не оставит меня никогда.

Если бы я чувствовал, что я такой один — за это позорное общее выражение я бы признал себя больным и, быть может, тоже отправился бы охотиться на чаек. Но я знаю и других, вполне образованных и далеко не глупых. Из разговоров с ними я понимал, что их отношение почти тождественно моему. Более того, мне пришлось поразиться единодушию, с которым взгляды их наполнились удивлён-

ным снисходительным презрением, стоило мне только назвать тему данного конкурса.

И это испугало меня. Если что-то презирается умными людьми, оно, скорее всего, неумно. А глупое не считается достойным потомков и, скорее всего, не вечно. А мёртвое, конечно, не может быть стержнем идеи — идеи патриотизма в том числе.

А я хотел бы, чтобы жила вечно и страна, и гордость за неё.

Не люблю публицистический стиль, риторические вопросы и тому подобное. Но, в самом деле, разве не порочит светлое чувство патриотизма самое наше отношение к нему как к непреложной и святой, но крайне хрупкой истине? Тщательно и остервенело оберегая её от нападков журналиста, режиссёра, писателя, художника, не признаём ли мы, что ими одними она может быть раздавлена?

Прямолинейные и грубые попытки защитить идею и снова навязать её до поры до времени действуют на одних. У иных же — и не у самых худших, боюсь — они вызывают лишь отторжение и ненависть, так как показывают, будто бы с идеей что-то не так, будто бы не твёрдая она, не настоящая, и бежать от неё нужно, пока не обрушился её хрупкий купол в самую гущу толпы. Мне это напоминает тот самый анемометр на горе Ян-Майена. В старом руководстве написано, что он должен вращаться по часовой стрелке; но наступает другой сезон, меняется ветер, и ротор начинает крутиться против. Пытаться вручную раскрутить его в другую сторону бесполезно: это только остановит его или сломает, если ветер сильный.

Ф а м у с о в. Да он властей не признаёт!

...

Строжайше б запретил я этим господам
На выстрел подъезжать к столицам.

...

Добро, заткнул я уши.

Несправедливо утверждать, что этот опус лишён патриотизма. Здесь его немало, и после прочтения это можно понять даже из названия. Объясню его смысл прямо, поскольку текст подобной направленности не оставляет простора для намёков и недомолвок.

Не важно, какую из приведённых речей сочтут недостойной. Не бойтесь: ни одна из них никогда не осквернит величайшего подвига этой

Победы. Потому откройте уши и слушайте её гром, который сквозь года будет звучать при любой власти в нашей стране.

Не бойтесь разговоров о преступности той войны. Любое из деяний наших солдат остаётся подвигом. И чем страшнее преступление может привидеться под действием чьих-то слов, тем возвышенной и величественней делается подвиг.

А состоит он в том, что ценой жизнью своих они совершили неискупимое, чтобы дать жизнь тем, кто однажды отвернётся с понятной брезгливостью; тем, кто забудет слова благодарности и, прогретый тёплыми словами и тёплыми течениями, обвинит их самих, притом со своей долей правды, во всех грехах; тем, наконец, кто отрицанием вины и навязчивым пафосом извратит в сознании не худших из их потомков разумение величайшего этого подвига.

*Lest that ignoble invitation
Defile a spirit lost in tears*

**КУРБАТОВ
ВАЛЕНТИН ЯКОВЛЕВИЧ**

Литературный критик, литературовед, прозаик, член жюри литературной премии «Ясная Поляна», член Союза писателей России

ОТЗЫВ

Уже эти семь сочинений убеждают в необходимости возвращения сочинения в программу школьных экзаменов.

Ведь авторы благодаря сочинению узнали своих конкретных родных прадедушек, дедушек и бабушек и тем вернули их с их именами и судьбами в живое пространство истории. И, может быть, поняли главное, что история (во всяком случае, родная русская история) — это не наука, а дом и семья. И с этой поры уже будут иначе чувствовать эту историю и жить в ней.

Вон как чудно пишет Лиза Ефимова:

«Перечитала сочинение, вернулась к семейному альбому... Дошла до фотографии второго прадеда, погибшего на войне. Ничего о нём не написала... Значит, долг свой ещё не выполнила. Может, в этом году узнаю больше о тех, кто остался только на фотографиях... Нет, не «может», узнаю!».

Ведь это детская клятва. А это дорогого стоит. Ведь детям возвращается память. Нам ведь её нынче скоро компьютер заменит. И взрослым (чего напрягаться-то: «кликнул» — и готово), и уж тем более детям — зачем запоминать — планшет-то на что? Пока в нас не начнет отмирать «запоминающий инструмент» мозга. А случись что — погибни компьютеры, и человечество окажется без памяти.

А единственный мальчик-то. Мальчик! Кондюрин этот! Если это не мистификация умного взрослого блестящего ума на основе неведомой книги и не совместное с компьютером дитя (да даже если и совместное!), если за этим сочинением стоит реальный молодой человек, то его уж сейчас надобно беречь, потому что это цветок редкий с задатками гения. Вспомните финал-то его сочинения:

Фамусов:

Да он властей не признаёт!...

Строжайше б запретил я этим господам

На выстрел подъезжать к столицам....

Добро, заткнул я уши.

Несправедливо утверждать, что этот опус лишён патриотизма. Здесь его немало, и после прочтения это можно понять даже из названия. Объясню его смысл прямо, поскольку текст подобной направленности не оставляет простора для намёков и недомолвок.

Не важно, какую из приведённых речей сочтут недостойной. Не бойтесь: ни одна из них никогда не осквернит величайшего подвига этой победы. Потому откройте уши и слушайте её гром, который сквозь года будет звучать при любой власти в нашей стране.

Не бойтесь разговоров о преступности той войны. Любое из деяний наших солдат остаётся подвигом. И чем страшнее преступление может привидеться под действием чьих-то слов, тем возвышенней и величественней делается подвиг. А состоит он в том, что ценой жизнью своих они совершили неискупимое, чтобы дать жизнь тем, кто однажды отвернётся с понятной брезгливостью; тем, кто забудет слова благодарности и, прогретый тёплыми словами и тёплыми течениями, обвинит их самих, притом со своей долей правды, во всех грехах; тем, наконец, кто отрицанием вины и навязчивым пафосом извратит в сознании не худших из их потомков разумение величайшего этого подвига.

Над подготовкой сборника работали:
Пресс-служба Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки
Пресс-служба Комитета по образованию г. Санкт-Петербурга

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО НАДЗОРУ
В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

2015 год